

ИСТОРИЯ ИДЕЙ И УЧЕНИЙ

М.Е. Бойко

КАЧЕСТВЕННАЯ АСИММЕТРИЯ БОЛИ И УДОВОЛЬСТВИЯ: ОТ ШОПЕНГАУЭРА ДО ФРЕЙДА

Аннотация. В статье анализируются аргументы, посредством которых западноевропейские философы XIX в. обосновывали качественную асимметрию между болью и удовольствием. Только в XX в. было получено анатомическое и физиологическое подтверждение существования данной асимметрии: боль представляет собой самостоятельный вид рецепции с обособленной системой проводников и рецепторов (ноцицепторов), однако не существует специализированных проводников и рецепторов удовольствия. Таким образом, открытие качественной асимметрии боли и удовольствия представляет собой примечательный случай успешного философского «предвидения». Общезначимый интерес представляют вопросы, почему успех произошёл именно в данной области и почему этот успех не получил должного признания. В качестве примеров различных подходов рассматриваются философии боли и удовольствия, предложенные А. Шопенгауэром, Э. фон Гартманом, Ф. Ницше и З. Фрейдом. Анализируются аргументы данных мыслителей в подтверждение асимметрии боли и удовольствия, источники сомнений и теоретических колебаний, предлагается формализация с использованием математической символики. Доказывается, что признанию качественной асимметрии боли и удовольствия мешало лингвистическое препятствие – то обстоятельство, что в европейских языках боль и удовольствие выступают как симметричные полюса одной модальности. Это привело к многочисленным теоретическим регрессам и противоречиям в воззрениях А. Шопенгауэра, Э. фон Гартмана, Ф. Ницше и З. Фрейда на качественную асимметрию боли и удовольствия, и крупное философское открытие не получило должной оценки.

Ключевые слова: аксиология, боль, модальность, психоанализ, рецепция, удовольствие, философия боли, философская антропология, формализация, страдание.

Abstract. This article analyzes the arguments by means of which the Western European philosophers of the XIX century explained the qualitative asymmetry between the pain and pleasure. The anatomical and physiological confirmation of the existence of such asymmetry was acquired only in the XX century: pain represents an independent type of reception with a separate system of conductors and receptors (nociceptors); however, there is no specialized conductors and receptors of pleasure. Thus, the discovery of the qualitative asymmetry of pain and please represents a notable case of the successful philosophical “foresight”. The general philosophical interest contain the following question: why the success was achieved specifically in this area, and why it never gained the due recognition. As the examples of various approaches, the author considers the philosophies of pain and pleasure suggested by A. Schopenhauer, S. Freud, E. von Hartmann, and F. Nietzsche; as well as analyzes their arguments in confirmation of the asymmetry of pain and pleasure, source of doubts and theoretical controversies, and suggests formalization using the mathematical symbolics. The author proves that the recognition of the qualitative asymmetry of pain and pleasure was hindered by the linguistic obstacle – the circumstance, which states that in European languages, the pain and pleasure are the symmetric directions of single modality. This lead to multiple theoretical regressions and controversies in the views of A. Schopenhauer, S. Freud, E. von Hartmann, and F. Nietzsche upon the qualitative asymmetry of pain and pleasure. And therefore, the major philosophical discovery did not gain the due assessment.

Key words: Suffering, Formalization, Philosophical anthropology, Philosophy of pain, Pleasure, Reception, Psychoanalysis, Modality, Pain, Axiology.

1. Постановка проблемы

В большинстве индоевропейских языков слова «боль» и «удовольствие» являются антонимами,

т.е. обозначениями аналогичных, онтологически равноправных сущностей, рассматриваемых как бы с противоположным знаком. Это означает, что на языковом уровне носители индоевропей-

ских языков *имплицитно* используют непрерывную *аксиологическую* шкалу, охватывающую весь диапазон состояний между двумя асимптотами – предельной болью («ад») и предельным удовольствием («рай»). В этом контексте особый интерес представляют мыслители, которые, преодолевая лингвистическую инерцию, развивали идеи о качественной асимметрии боли и удовольствия.

Первым из европейцев в заострённой форме этот тезис обосновал А. Шопенгауэр (признавая приоритет буддистской доктрины). В разной нюансировке это учение развивалось Э. фон Гартманом, Ф. Ницше и З. Фрейдом. Четыре упомянутых европейских мыслителя интересны также и тем, что каждый из них развивал свои идеи в напряжённом заочном споре со своими предшественниками в этом ряду.

Хронологически наше рассмотрение обрывается на Фрейде, поскольку вскоре после его смерти философское учение о качественной асимметрии боли и удовольствия получает подтверждение со стороны физиологии: боль представляет собой самостоятельный вид рецепции с обособленной системой проводников и специфичным рецепторным аппаратом (ноцицепторами), однако не существует специализированных проводников и рецепторов удовольствия (потенциальных «бенецепторов»). Если по отношению к мыслителям от Шопенгауэра до Фрейда можно говорить об успешном философском «предвидении», то последующие сторонники качественной асимметрии между болью и удовольствием оказываются уже интерпретаторами общеизвестного физиологического факта.

2. Учение А. Шопенгауэра о боли и удовольствии

2.1. Природа удовольствия и боли. Учение А. Шопенгауэра о боли и удовольствии, как и вообще его философия, сравнительно хорошо изучено, поэтому мы обойдёмся без реферирования, а укажем на ранее неотмеченную возможность формализации, позволяющей наглядно продемонстрировать глубинные противоречия шопенгауэровской доктрины.

Согласно Шопенгауэру, человек, как и любое живое существо, представляет собой сплошное конкретное хотение, сросток из тысячи стремлений: «всякое стремление вытекает из нужды, из неудовлетворённости своим состоянием, и, следовательно, пока его не удовлетворят, оно есть страдание; но ни одно удовлетворение не продолжительно, напротив, оно всегда служит только исходной точкой для нового стремления. Мы видим, как стремление повсюду окружено многообразными преградами, видим его в постоянной борьбе, т.е.

оно всегда является нам как страдание: нет конечной цели стремления – нет, следовательно, меры и цели страдания» [1, т. 1, с. 265].

Введём обозначения $A(t)$ и $E(t)$ – уровни боли (страдания) и удовольствия индивида в зависимости от времени. Если обозначить сумму потребностей (нужд, неудовлетворённостей) через $p(t)$, то очевидно, что $p(t) \geq 0$. Состояние удовлетворения $p(t) = 0$ – неустойчиво, «непрочно», потому что, как только оно достигается, наступает нестерпимая скука, которую можно рассматривать как потребность в скорейшем изменении состояния, а всякая потребность, как настаивает Шопенгауэр в процитированном фрагменте, означает страдание.

Шопенгауэр, однако, колеблется между двумя возможностями: считать ли страданием 1) только тот уровень потребности $p(t)$, который превосходит некоторую пороговую величину λ , или 2) вообще всякий уровень потребности. Первая возможность кажется более согласующейся со «здоровым смыслом», но она внутренне противоречива и, в конечном счёте, подталкивает к принятию более радикальной второй возможности. Психологически вероятно, что шопенгауэровская мысль развивалась именно по этому пути, и мы предлагаем гипотетическую реконструкцию этого движения.

Пусть страдание $A(t)$ отлично от нуля, если $p(t) \geq \lambda$, а удовольствие $E(t)$ отлично от нуля, если $0 < p(t) \leq \lambda$. Очевидно, что функции $A(t)$ и $E(t)$ определены на непересекающихся диапазонах $p(t)$, следовательно, их можно описать одной математической функцией. Аргумент этой функции – другая функция, т.е. это функция от функции, или *функционал*. Обозначим этот функционал $F[p(t)]$.

Боль (страдание) – это состояние, когда $p(t)$ выше заданной пороговой величины λ , т.е. $A(t) = F[p(t) > \lambda]$. Удовольствие – состояние в окрестности точки удовлетворения $p(t) = 0$, когда уровень потребностей ниже заданной пороговой величины λ , т.е. $E(t) = F[0 < p(t) \leq \lambda]$. В «свёрнутой» записи имеем: $AE(t) = F[p(t)]$.

Общность функционала указывает на фундаментальное родство страдания и удовольствия. Это позволяет построить непрерывную аксиологическую шкалу и поставить вопрос о ценности того или иного состояния, аффекта, человеческой жизни и даже бытия мира. Что Шопенгауэр и делает, приходя к неутешительному выводу – абсолютному пессимизму.

2.2. Асимметрия удовольствия и боли. Шопенгауэр, однако, оказывается в затруднительном положении. С одной стороны, им постулируется фундаментальное родство удовольствия и страдания,

чтобы можно было их суммировать: бессмысленно складывать разнородные величины, например, температуру и рост тела.

С другой стороны, между удовольствием и страданием существует фундаментальная асимметрия: удовольствий так мало и они так сомнительны, что, можно сказать, их вообще нет, страдания же вездесущи и разнообразны.

Выход подсказывает учение Лейбница о «возможных мирах». Легко представить себе множество («статистический ансамбль») возможных миров с различным значением параметра λ . Этот параметр определяет, где проходит граница между удовольствием и страданием. Чем выше λ , тем больше «объём» удовольствия и тем меньше «объём» страдания.

Расположим возможные миры в порядке убывания λ . Мысленно пробежавшись по этим мирам, мы можем увидеть, что происходит, когда $\lambda \rightarrow 0$: страдания начинают доминировать, а удовольствия становятся всё более труднодостижимыми, редкими или эфемерными.

В мире с $\lambda = 0$ возможны только мнимые удовольствия, т.е. сильно ослабленные страдания. Это наихудший из возможных миров. В этом мире мы только думаем, что складываем удовольствия и страдания, в действительности мы складываем только страдания. Если мы живём в наихудшем из возможных миров, то, вынужден заключить Шопенгауэр, удовольствий нет вообще, а то, что за них выдаётся, – это мнимые удовольствия. Эта фундаментальная асимметрия нашла отражение в учении Шопенгауэра об отрицательном характере удовольствия и положительном характере страдания, представляющем собой развитие некоторых интуиций И. Канта и П. Верри [2, с. 260-262].

Удовольствие, настаивает Шопенгауэр, это «не изначальное и по собственному почину посещающее нас счастье, но всегда удовлетворение какого-нибудь желания. Ибо желание, т.е. нужда, – это предварительное условие всякого наслаждения. Однако удовлетворение кладёт конец желанию и, следовательно, наслаждению. Поэтому удовлетворение, или счастье, никогда не может быть чем-нибудь иным, кроме освобождения от горести, от нужды: ибо к последней относится не только всякое действительное, очевидное страдание, но и всякое желание, настойчивость которого нарушает наш покой, – сюда относится даже убийственная скука, от которой жизнь делается нам в тягость. <...> Когда же, наконец, всё преодолено и достигнуто, то в результате получается только то, что мы свободны от какого-нибудь страдания или желания и, следовательно, чувствуем себя как пре-

жде, до его наступления. Непосредственно нам всегда дана только потребность, т.е. страдание. Удовлетворение же или наслаждение мы можем испытывать только косвенно, вспоминая об устранённом им страдании и лишении. Вот почему мы не в состоянии ни оценить, ни даже по-настоящему осознать те блага и преимущества, которые у нас есть в действительности, и мы думаем, что иначе это и быть не может: ведь они дают нам лишь отрицательное счастье, не допуская страданий. Только лишившись их, мы начинаем понимать их цену, ибо потребность, лишение, страдание – вот что положительно и что непосредственно заявляет о себе» [1, т. 1, с. 273].

«Мы чувствуем боль, но не чувствуем болезненности; мы чувствуем заботу, но не чувствуем беззаботности, ощущаем страх, но не безопасность. Мы чувствуем желание так же, как чувствуем голод и жажду; но как только это желание удовлетворено, с ним происходит то же, что со съеденным куском, который перестаёт существовать для нашего чувства в то самое мгновение, когда мы его проглотили. Болезненно жаждем мы наслаждений и радостей, когда их нет; отсутствие же страданий, хотя бы и они прекратились после того, как долго мучили нас, непосредственно нами не ощущается, мы можем думать об их отсутствии разве что намеренно, рефлектируя. <...> Вот почему три высших блага жизни – здоровье, молодость и свобода не осознаются нами как таковые, покуда мы их имеем; мы замечаем их лишь тогда, когда они уступают свое место дням несчастным» [1, т. 2, с. 482-483].

Отрицательность счастья – это, конечно, оксюморон. «Отрицательный» – это не самое удачное слово для обозначения «опосредованного», «фиктивного», «нулевого», «мнимого», «эфемерного» характера удовольствия. Действительно, в большинстве своих «поздних» рассуждений Шопенгауэр явно или неявно полагает, что $\lambda = 0$, т.е. удовольствие недостижимо, обманчиво и иллюзорно (как в буддистской доктрине): «всё на свете несовершенно и обманчиво, всё приятное перемешано с неприятным, каждое наслаждение услаждает только наполовину, всякое удовольствие разрушает самое себя, всякое облегчение ведёт к новым тяготам» [1, т. 2, с. 484-485].

Таким образом, мы продемонстрировали, как, отталкиваясь от идеи онтологической равноправности боли и удовольствия, совершая вслед за Шопенгауэром «головокружительный теоретический пируэт», можно прийти к выводу о существовании фундаментальной асимметрии боли и удовольствия.

3. Учение Э. фон Гартмана о боли и удовольствии

3.1. *Природа удовольствия и боли.* Э. фон Гартман предпринял замечательную в своём роде попытку очистить учение Шопенгауэра от внутренних противоречий. Одной из мишеней становится используемое Шопенгауэром понятие отрицательности: «Как Лейбниц хочет приписать исключительно отрицательный характер недовольству, так Шопенгауэр – удовольствию <...> так, что одно страдание должно возникать прямо, а наслаждение становится возможным *только косвенно*, вследствие устранения или уменьшения страдания. Правда, я несколько не думаю оспаривать, что всякое устранение или уменьшение страдания есть наслаждение; но не всякое наслаждение есть устранение или уменьшение страдания и при том, наоборот, верно также и то, что всякое прекращение или уменьшение наслаждений есть страдание» [3, с. 266].

Гартман полагал, что существуют изначальные и непосредственные удовольствия, которые имеют положительный характер: «...если мы должны наслаждения гастрономические и половые, взятые с чисто физической стороны и помимо их метафизических отношений, а также художественные и научные считать за *ощущения удовольствия*;

если мы должны согласиться, что они положительно выступают над точкою безразличия или нулевою точкою ощущений, не быв предварительно под нею, т.е. без предварительного страдания;

если мы, наконец, станем твёрдо на нашем принципе, что наслаждение состоит только в удовлетворении воли,

– то неизбежно должны счесть ошибочным шопенгауэровское положение, что наслаждение есть только прекращение или ослабление страдания» [3, с. 268].

Как следствие, наш мир никак не может быть наихудшим из возможных миров. Гартман утверждает, что существующий мир – наилучший из возможных миров, но всё же такой, что его небытие предпочтительнее его бытия.

Поправка Гартмана не сводится к тому, что всюду полагается $\lambda > 0$. Между удовольствием и болью существует не только фундаментальное родство, но и зеркальная противоположность: «Наслаждение и страдание вообще различаются наподобие математических положительной и отрицательной величин, так что безразлично какой знак (+ или –) придать одному и какой другому» [3, с. 272].

3.2. *Асимметрия удовольствия и боли.* Таким образом, по мнению Гартмана, в теории Шопенгауэра заблуждался, но на практике получается так, как если бы Шопенгауэр был прав, и это связано с особенностями нервной системы человека.

Уже Шопенгауэр заметил, что «в той мере, в какой возрастают наслаждения, уменьшается восприимчивость к ним: привычное уже не ощущается нами как наслаждение. Но именно поэтому возрастает восприимчивость к страданию, так как утрата привычного заставляет нас очень страдать» [1, т. 2, с. 483].

Гартман развивает эту мысль: «Дело в том, что и наслаждение, и страдание затрагивают нервную систему и производят род утомления, которое при высших степенях наслаждения может дойти до смертельного изнеможения. Вследствие этого появляется возрастающая с продолжительностью или степенью чувства потребность, т.е. воля (сознательная или бессознательная), чтобы наступило прекращение или ослабление чувства. Эта потребность, корень которой в нервном утомлении, в случае чувства страдания *совпадает* в своём воздействии с прямым отвращением к перенесению страдания. Напротив, в случае чувства наслаждения она действует противоположно прямому желанию закрепить наслаждение и всегда уменьшает это последнее и даже, наконец, может и совсем его перевесить (вспомним изнеможение в половом наслаждении). Отсюда страдание (за исключением полного притупления нервов от очень больших страданий) бывает тем больше, чем долее оно продолжается, а наслаждение, в таком же случае, вызывает равнодушие и даже надоедает» [3, с. 266–267].

Пусть $A(t)$ и $E(t)$, как утверждает Гартман, различаются знаками: например, страдание $A(t) > 0$, а удовольствие $E(t) < 0$. А как обстоит дело с суммой страданий и удовольствий? Тщательное рассмотрение вопроса приводит Гартмана к выводу, что на любом сколько-нибудь протяжённом временном отрезке сумма $A + E$ (интеграл по времени) всегда больше нуля, и для индивидуума даже при благоприятнейших обстоятельствах невозможно достигнуть излишка в наслаждениях перед страданиями.

Другой источник асимметрии – невозможность чистого беспримесного удовольствия. Поскольку «нет ни единого мгновения, в которое не существовало бы какой-либо наличной воли, то неудовлетворение, так сказать, пребывает вечно, и разве подкрашивается удовлетворением, которое доставляется надеждою» [3, с. 272].

Таким образом, в теории Гартман отрицает качественную асимметрию боли и удовольствия, и это представляет собой шаг назад, но на практике он её восстанавливает, и в этом его несомненная заслуга.

4. Учение Ф. Ницше о боли и удовольствии

4.1. *Природа удовольствия и боли.* Взгляды Ницше на природу человека и его аффектов были так изменчивы и противоречивы, что всякая их реконструкция является заведомо искусственной и тенденциозной. Подобной реконструкцией является сфабрикованная сотрудниками Архива Ницше посмертная книга философа – «Воля к власти». Нас будут интересовать черновики и наброски, собранные в раздел «Воля к власти в природе» (аф. 618-715).

Ключевая идея и «принцип новой оценки» Ницше состоит в том, что человек – это не пучок потребностей, как полагал Шопенгауэр, а сгусток воли к власти. Именно стремление к увеличению власти, или мощи (*Macht*), является первофеноменом, первоначальной тенденцией протоплазмы (аф. 656) [4, с. 358], «всё, что делается с известной целью, может быть сведено к цели умножения власти» (аф. 663) [4, с. 361]. Воля к власти есть примитивная форма аффекта, все остальные аффекты и влечения – видоизменения или эпифеномены воли к власти.

Ощущения удовольствия и неудовольствия есть чувства повышения и уменьшения власти (аф. 689) [4, с. 381]:

«...удовольствие сопутствует всякому росту власти, а неудовольствие всякому чувству невозможности сопротивления, чувству невозможности одержать верх» (аф. 693) [4, с. 382];

«Чувства удовольствия и неудовольствия суть волевые реакции (аффекты), в которых интеллектуальный центр устанавливает ценность известных наступивших изменений в их отношении к общей ценности, что вместе с тем служит преддверием к той или иной форме противодействия» (аф. 669) [4, с. 365-266].

Отсюда проистекает новая аксиология, основанная на шкале мощи. Движение вверх по этой шкале означает удовольствие, движение вниз – неудовольствие. Имеет значение не абсолютная величина достигнутой мощи $m(t)$, а скорость её изменения, т.е. первая производная. Всякая остановка является симптомом упадка, нисходящей линией жизни.

В наших обозначениях: $AE(t) = m'(t)$. Если $m'(t) > 0$, т.е. мощь возрастает (плюс чувства власти) – это удовольствие. Если $m'(t) < 0$, т.е. мощь убывает (плюс чувства власти) – это неудовольствие.

Конечно, это спрямлённое изложение не отражает всей сложности мысли Ницше, полной колебаний и самопротиворечий, и служит разве что нулевым приближением.

4.2. *Асимметрия удовольствия и боли.* Повидимому, ещё в период «Несвоевременных размышлений» Ницше поставил перед собой задачу – найти противоядие от абсолютного пессимизма в духе А. Шопенгауэра, Э. фон Гартмана, Ю. Банзена и их последователей. Не вызывало сомнений, что ахиллесова пята абсолютного пессимизма – его скрыто гедонистический характер, проявляющийся в сведении вопроса о ценности существования к вопросу о сумме боли и удовольствия. Опрокинуть это построение можно двояким способом: показав, что 1) удовольствие и боль не имеют непосредственного отношения к вопросу о ценности существования или 2) удовольствие и боль невозможно суммировать.

Ницше предпринимает и то, и другое. Ценность существования он ставит в зависимость от объёма достигнутой мощи. Тогда оказывается, что боль и удовольствие – «второстепенные вещи, не причины; это суждения ценности *второго ранга*, которые только выводятся из господствующей ценности, нечто, что в форме известного чувства говорит “полезно”, “вредно”, а следовательно – нечто абсолютно поверхностное (мимолетное) и зависимое» (аф. 701) [4, с. 386]; «“Неудовольствие” и “удовольствие” суть наиглупейшие формы выражения суждений» (аф. 669) [4, с. 365].

От признания второстепенности и поверхностности удовольствия и боли остаётся один шаг до утверждения их относительности. «Решение вопроса о том, что должно возбуждать неудовольствие и что удовольствие, зависит от степени власти: то же самое, что при незначительном количестве власти представляется опасным и требующим немедленного отпора, может при большей полноте власти иметь своим следствием приятное возбуждение, чувство удовольствия» [4, с. 365].

Боль и удовольствие, таким образом, зависят от перспективы, «с помощью которой всякий центр силы – не только человек – конструирует из себя весь остальной мир, т.е. меряет его своей силой, осязает, формирует...» (аф. 636) [4, с. 351]. Эту разновидность релятивизма Ницше называет *перспективизмом*.

Если удовольствие и боль относительны, то их сумма также относительна и зависит от того, кто и как её подсчитывает.

Ницше не удовлетворяется этим и стремится показать, что складывание удовольствия и боли вообще бессмысленно, поскольку «удовольствие и боль – не противоположности» (аф. 660) [4, с. 360].

Самое простое решение – объявить одно разновидностью другого: «Удовольствие есть известный род боли» (аф. 490) [4, с. 284].

Развёрнутое обоснование Ницше даёт в следующем фрагменте: «Боль есть просто нечто иное, чем удовольствие – я хочу сказать: она не может считаться противоположностью удовольствия».

Если сущность “удовольствия” правильно определяется как *плюс чувства* власти (и, следовательно, как чувство разности, которое предполагает сравнение), то этим ещё не определена сущность “неудовольствия”. Мнимые противоположности, в которые верит народ, а следовательно, и язык, всегда были опасными ножными путями для поступательного движения истины. Существуют даже случаи, где некоторый вид удовольствия обусловлен известным *ритмическим следованием* небольших раздражений неудовольствия: этим путём достигается очень быстрое нарастание чувства власти, чувства удовольствия. Такое явление имеет место, например, при щекотании, а также при половом щекотании во время акта совокупления; мы видим, таким образом, что неудовольствие действует как ингредиент удовольствия. По-видимому, небольшое препятствие, которое устраняется и за которым следует тотчас же опять другое небольшое препятствие, снова устраняемое, – эта игра сопротивления и победы энергичнее всего возбуждает то общее чувство излишка, избытка силы, которое составляет сущность удовольствия.

Обратное явление, т. е. нарастание ощущения боли под влиянием небольших перемежающихся раздражений удовольствия, не наблюдается: удовольствие и боль не могут считаться обратимыми друг в друга» (аф. 699) [4, с. 384–385].

Таким образом, согласно Ницше, *сущность* удовольствия – это плюс чувства власти, но считать *сущностью* боли минус чувства власти у нас нет оснований.

Фактически Ницше уничтожает непрерывную аксиологическую шкалу, боль и удовольствие больше невозможно складывать или рассматривать как противоположности. Более того, утверждается, что удовольствие есть разновидность, модификация, *дери́ват* боли. Учение о качественной асимметрии боли и удовольствия проведено в процитированных фрагментах со всей последовательностью.

5. Учение 3. Фрейда о боли и удовольствии

5.1. *Природа удовольствия и боли.* Фрейд определяет удовольствие и боль аналогично Шопенгауэру, но как бы с оглядкой на Ницше. Различие состоит в том, что он сводит потребности воли к физиологическим возбуждениям (раздражениям), что имеет отношение, скорее, к способу выражения, чем к сути дела: «Мы решились соотнести удовольствие

и неудовольствие с количеством имеющегося в душевной жизни – и не связанного как-либо – возбуждения таким образом, что неудовольствие соответствует увеличению, а удовольствие – уменьшению этого количества. При этом мы не имеем в виду простое соотношение между интенсивностью ощущений и изменений, к которым они относятся, менее же всего – в соответствии со всеми данными психофизиологии – прямую пропорциональность» [5, с. 232]; «ощущение неудовольствия связано с усилением раздражения, а ощущение удовольствия – с его снижением» [6, с. 90].

Поскольку Фрейд оговаривает, что зависимость не носит линейного характера, очевидно, она описывается некоторым функционалом. В наших обозначениях: $AE(t) = F[p'(t)]$.

$A(t) = F[p'(t) > 0]$, т.е. раздражение в момент t возрастает – это страдание.

$E(t) = F[p'(t) < 0]$, т.е. раздражение в момент t убывает – это удовольствие.

Мы видим возрождённое на новом научном основании старое учение о *положительности* страдания и *отрицательности* удовольствия. Только вместо абсолютной величины значения раздражения (потребностей), берётся её первая производная по времени.

Такое определение приводит к ряду затруднений. Скажем, выходит, что человек, подставляющий обожжённую руку под холодную воду, испытывает удовольствие (раздражение уменьшается). Между тем непосредственный опыт свидетельствует, что ослабление страдания не обязательно сопровождается удовольствием.

Но этим беды нового подхода не исчерпываются. Затруднения Фрейда, пытающегося объяснить половое наслаждение, выглядят почти комично: «Несмотря на господствующее в психологии различие мнений по этому поводу, я настаиваю на том, что чувство напряжения должно носить в себе характер неудовольствия. Для меня является определяющим, что такое чувство приносит с собой стремление к изменению психической ситуации, побуждает к действию, что совершенно чуждо сущности испытываемого удовольствия. Но если причислить напряжение при сексуальном возбуждении к неприятным чувствам, то сталкиваешься с фактом, что оно, несомненно, переживается как приятное. Повсюду к напряжению, вызванному сексуальными процессами, примешивается удовольствие; даже при подготовительных изменениях в гениталиях становится отчётливым своего рода чувство удовлетворения. Как связаны между собой это неприятное напряжение и это ощущение удовольствия?» [7, с. 114].

Отто Фенихель комментирует: «Существует приятное напряжение, наподобие сексуального возбуждения, и болезненное отсутствие напряжения, наподобие скуки и чувства опустошённости. <...> Можно продемонстрировать, что сексуальное возбуждение и скука представляют собой вторичные осложнения. Наслаждение сексуальным возбуждением при предвкушении сексуального акта немедленно оборачивается неудовольствием, если исчезает надежда на окончательную разрядку. Услаждающий характер предвкушения связан с ожиданием конечного удовольствия. Скука при ближайшем рассмотрении оказывается не недостатком напряжения, а, скорее, возбуждением с бессознательным намерением» [8, с. 24-25].

Подобные парадоксы легко разрешаются, если чувства удовольствия и боли ставятся в зависимость не только от первой производной раздражения по времени, но и от абсолютной величины раздражения. Тогда удовольствие и боль описываются функционалом от двух аргументов – функции раздражения $p(t)$ и её первой производной по времени. В наших обозначениях $AE(t) = F[p(t), p'(t)]$.

Надо сказать, что Фрейд подбирается близко к признанию такой возможности: «Наше сознание сообщает нам изнутри не только об ощущениях удовольствия и неудовольствия, но и о своеобразном напряжении, которое само по себе опять-таки может быть приятным или неприятным. Какие это энергетические процессы – связанные или несвязанные, – которые мы должны разграничивать на основе своих ощущений, или же ощущение напряжения связано с абсолютной величиной, возможно, уровнем катексиса, тогда как ряд удовольствие-неудовольствие указывает на изменение величины катексиса в единицу времени?» [5, с. 288].

5.2. Асимметрия удовольствия и боли. Как и в предыдущих случаях, при детальном рассмотрении оказывается, что в системе Фрейда удовольствие и боль носят глубоко асимметричный характер.

Бессознательное (в первой топике Фрейда) и Оно/Id (во второй топике Фрейда) автоматически регулируются принципом удовольствия. Принцип реальности имеет более позднее происхождение и представляет собой не столько самостоятельный принцип, сколько «модификацию» [5, с. 260] принципа удовольствия: «Мы знаем, что принцип удовольствия присущ *первичному* режиму работы душевного аппарата и что для самоутверждения организма среди трудностей внешнего мира он с самого начала оказывается непригодным и даже во многом опасным. Под влиянием влечений Я к самосохранению он сменяется *принципом реальности*,

который, не оставляя конечной цели достижения удовольствия, всё же предполагает и осуществляет отсрочку удовлетворения, отказ от различных возможностей такового и допущение на какое-то время неудовольствия на длинном окольном пути к удовольствию» [5, с. 234].

В ранней версии психоанализа влечение к боли (алголагния), если и рассматривается, то объясняется опять-таки из принципа удовольствия (алголагния при мазохизме).

Позднее Фрейд вводит в рассмотрение «влечение к смерти» (Танатос) как разновидность «влечений Я», но асимметрия удовольствия и боли сохраняется. Получается, что влечения к смерти (и к боли) и влечения к удовольствию не «зеркальны», а представляют собой отельные группы влечений.

Таким образом, и в учении Фрейда наблюдается фундаментальная асимметрия боли и удовольствия, но на этот раз преимущество отдаётся, скорее, удовольствию как чему-то более фундаментальному, поскольку первичную и главенствующую роль в регуляции человеческого поведения играет «принцип удовольствия».

6. Заключение

Итак, мы рассмотрели один из самых впечатляющих случаев успешного философского «предвидения» – открытие западноевропейскими мыслителями качественной асимметрии боли и удовольствия, сделанное задолго до того, как были получены соответствующие физиологические подтверждения. Оказалось, что у человека и других высокоразвитых земных организмов есть особая система рецепторов для восприятия боли (ноцицепторов), но нет аналогичной ей системы рецепторов удовольствия (потенциальных «бенецепторов»). Механизм ощущения удовольствия принципиально иной: удовольствие опосредовано эволюционно более поздним механизмом и возникает как специфический интегральный эффект, в образовании которого участвуют сразу несколько систем рецепции. Таким образом, единая аксиологическая шкала представляет собой фикцию, поскольку состояния боли и удовольствия не образуют онтологически однородного непрерывного ряда.

Конечно, можно вообразить разумные существа (например, с другой планеты), наделённые отдельной системой рецепторов удовольствия. Конструирование реальности такими существами будет происходить по совершенно другой схеме, нежели людьми. По отношению к этим существам можно будет говорить о качественной симметрии боли и удовольствия. Человек с

большей силой воображения, чем у автора этих строк, мог бы описать эти примечательные формы жизни.

Но именно отсутствие качественной симметрии между болью и удовольствием и более фундаментальный характер боли образуют, по-видимому, отличительный признак бытия представителей homo sapiens и других высокоразвитых земных организмов в многообразии мыслимых и, возможно, действительно обитающих где-то во Вселенной живых существ. Человек есть в первую очередь *существо страдающее* и останется таким, пока его природа не претерпит кардинальных изменений. Но если таковые изменения про-

изойдут, это будет уже не человек, не homo sapiens, а какое-то новое, трансгуманистическое существо, следующая ступень эволюции.

Итак, оказалось, что качественная асимметрия боли и удовольствия – это слишком значительный факт, чтобы ускользнуть от проницательных исследователей, подобных Шопенгауэру, Гартману, Ницше и Фрейдю. Но ниспровергнутая ими непрерывная аксиологическая шкала упрямо существует как лингвистический факт, лингвистическая инерция, языковая пресуппозиция. Только этим можно объяснить недооценку впечатляющего успеха западноевропейской философии в постижении природы боли и удовольствия.

Список литературы:

1. Шопенгауэр А. Собр. соч.: в 6 т. М.: Terra-Книжный клуб, Республика, 1999-2001.
2. Кант И. Собр. соч.: в 8 т. Т. 7. М.: ЧОРО, 1994.
3. Гартман Э. фон. Сущность мирового процесса, или Философия бессознательного: в 2 т. Т. 2. 2-е изд. М.: КРАСАНД, 2010.
4. Ницше Ф. Воля к власти: Опыт переоценки всех ценностей. М.: Культурная Революция, 2005.
5. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия // Фрейд З. Собр. соч.: в 10 т. Т. 3. М.: СТД, 2006.
6. Фрейд З. Влечения и их судьбы // Фрейд З. Собр. соч.: в 10 т. Т. 3. М.: СТД, 2006.
7. Фрейд З. Три очерка по теории сексуальности // Фрейд З. Собр. соч.: в 10 т. Т. 5. М.: СТД, 2006.
8. Фенихель О. Психоаналитическая теория неврозов. 2-е изд. М.: Академический проект, 2013.

References (transliterated):

1. Shopengauer A. Sobr. soch.: v 6 t. M.: Terra-Knizhnyi klub, Respublika, 1999-2001.
2. Kant I. Sobr. soch.: v 8 t. T. 7. M.: ChORO, 1994.
3. Gartman E. fon. Sushchnost' mirovogo protsessa, ili Filosofiya bessoznatel'nogo: v 2 t. T. 2. 2-e izd. M.: KRASAND, 2010.
4. Nitsche F. Volya k vlasti: Opyt pereotsenki vsekh tsennostei. M.: Kul'turnaya Revolyutsiya, 2005.
5. Freid Z. Po tu storonu printsipa udovol'stviya // Freid Z. Sobr. soch.: v 10 t. T. 3. M.: STD, 2006.
6. Freid Z. Vlecheniya i ikh sud'by // Freid Z. Sobr. soch.: v 10 t. T. 3. M.: STD, 2006.
7. Freid Z. Tri ocherka po teorii seksual'nosti // Freid Z. Sobr. soch.: v 10 t. T. 5. M.: STD, 2006.
8. Fenikhel' O. Psikoanaliticheskaya teoriya nevrozov. 2-e izd. M.: Akademicheskii proekt, 2013.